

О.П. Кулик

**ПАРОДИЙНАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
(И.И. ВАРШАВСКИЙ, Б.Г. ШТЕРН)**

...фантастика – не литература, а мироощущение...
писателей-фантастов вообще не существует, а существуют хорошие и плохие писатели.

Б. Штерн «Автобиография»

В настоящее время наблюдается рост интереса к фантастической литературе как среди читателей и критиков, так и среди литературоведов. Перед современным фантастоведением возникает множество вопросов, требующих тщательного изучения. Так до сих пор не существует единого мнения по поводу того, что такое фантастика: «специфический метод художественного отображения жизни» [1, с. 887], «разновидность художественной литературы» [2, с. 461], «способ художественного мышления» [3, с. 27]

или жанр. Нет четкой модели развития фантастики, не определены критерии для разграничения ее жанровых разновидностей, недостаточно развита терминология (особенно характерно для Беларуси), в российском литературоведении более или менее тщательно изучено творчество нескольких фантастов (И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие), что отнюдь не способствует получению полной картины развития жанра.

Целью нашего исследования является выявление особенностей пародийных новелл в творчестве И. Варшавского и Б. Штерна¹.

Илья Иосифович Варшавский (1908/1909–1974) пришёл в литературу довольно поздно: первый рассказ «Роби» был напечатан в 1962 году, первый сборник рассказов «Молекулярное кафе» вышел в 1966 году (правда, в 1929 году была книга очерков «Вокруг света без билета», написанная в соавторстве с братом Дмитрием и редактором газеты «Смена» Николаем Слепневым). Он был первым руководителем Ленинградского семинара молодых писателей-фантастов (на этом посту его сменил Б. Стругацкий).

Для научной фантастики 1960-е годы являются периодом расцвета: после известных событий снимается негласный запрет на фантастику, уходит в прошлое теория «ближнего прицела», которая оставляла ей лишь популяризаторскую и прогностическую функции, что было официально прописано в Литературной энциклопедии, издававшейся в 1929–1939 годах. Успех советской космической программы и множество открытий в других научных областях явились еще одним толчком для научной фантастики. Такого многообразия не знали даже 1920-е годы – период становления данного вида литературы в Советском Союзе.

Сочетание сатиры и фантастики не ново, но от их соотношения зависит жанровая принадлежность произведения (фантастика как прием или тема). Такого рода сатирические рассказы (фантастика – прием) присутствуют у Варшавского («Бедный Стригаило»).

А.М. Бритиков назвал новеллы Варшавского «антифантастическими» [7, с. 268], подразумевая их пародийный характер. Действительно, писатель пародирует как расхожие литературные шаблоны фантастики и детектива («Инспектор отдела полезных ископаемых»), так и манеру отдельных авторов («Новое о Шерлоке Холмсе», «Фантастика вторгается в детектив»). В последних двух рассказах получилась очень тонкая стилизация произведений А. Конан-Дойля и Ж. Сименона. Комический эффект достигается за счет обнажения приема («Секреты жанра», «Предварительные изыскания», «Лекция по парапсихологии»), путем доведения фантастической идеи до абсурда («Джамбли», «Неедяки»).

Рассказы И. Варшавского предельно сжаты и лаконичны; сюжеты, поначалу развивавшиеся по всем правилам жанра, получают неожиданную, часто парадоксальную концовку, что заставляет увидеть ситуацию в новом свете. Человек, который утверждал, что познал в своих видениях антимир, на самом деле переусердствовал со спиртным («Человек, который видел антимир»), и наоборот, признанный врачами шизофреником, пациент психиатрической клиники действительно общался с иной цивилизацией («Взаимопонимание невозможно»). Часто фантастический элемент дискредитируется путем переведения ситуации из разряда реальных в разряд сна, мысленного разговора («Старики»).

По стилю и тематике новеллы И. Варшавского напоминают рассказы Р. Шекли и Р. Брэдли, но если последним присуща тихая грусть и сожаление по отношению к происходящему, то у Варшавского это ирония, переходящая в открытый смех. Подобный «оптимистический пессимизм» присутствует и у следующего автора.

Первые рассказы Бориса Гедальевича Штерна² (1947–1998) появились в середине 1970-х – период кризиса жанра: время социального оптимизма и веры в будущее сменилось разочарованием. Традиционные научно-фантастические темы в этот период (завоевания космоса, роботы и др.) как таковые не представляют особого интереса, научная фантастика используется как антураж, вновь усиливается пародийная линия.

Произведения Б. Штерна литературоцентричны (даёт о себе знать филологический факультет Одесского государственного университета): с одной стороны он пародирует известные литературные штампы («Рейс табачного контрабандиста», «Спасать человека»), с другой – по-новому обыгрывает образы, ставшие нарицательными («Шестая глава «Дон Кихота», «Галатея»), что наполняет произведения новыми смысловыми проекциями. По-новому решаются традиционные научно-фантастические проблемы («Дом», «Безумный король»).

¹ Отдельные статьи и предисловия к сборникам рассказов не дают полного представления об их творчестве (В.Л. Гопман «В жанре рассказа» [4], предисловие Е. Брандиса, В. Дмитревского к сборнику «Человек, который видел антимир» [5], упоминания в книгах Б.В. Ляпунова «В мире фантастики» [6] и А.Ф. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман» [7]).

² Признан лучшим фантастом Европы (Еврокон-1984), до него этой чести в Восточной Европе удостоивались лишь братья Стругацкие и Станислав Лем.

Эти авторы очень близки по духу. Определенные сходства можно обнаружить на всех уровнях текста (идейном, образном, стилистическом).

Во-первых, авторы иронизируют над наивностью, с которой персонажи рассказывают о событиях. Читатель может оценивать изображенную ситуацию по-другому. Разница в восприятии и порождает эффект иронии.

Во-вторых, общим является пессимистическое восприятие прогресса. Технический прогресс, по мнению авторов, не влечет за собой прогресс в духовном развитии, скорее, наоборот, часто он сопряжен с нравственной деградацией общества. Для персонажей характерна тоска по «естественности»: небо, солнце, общение, натуральные продукты³.

Проблема эмоций также входит в сферу интересов писателей: человек без чувств, без воспоминаний (пусть даже мучительных) становится биологическим механизмом. Механистичность мышления воплощают как люди, так и компьютеры.

Довольно сильна мысль об ответственности ученого за свои открытия. Чистая наука становится бесчеловечной, цель нельзя оправдать средствами. Этические проблемы для Варшавского и Штерна представляют больший интерес, нежели научные.

Образ маленького человека раскрывается так же, как в классической литературе, что не совсем характерно для литературы фантастической. Авторы намеренно избавляются от пафоса, свойственного изображению гордых покорителей космоса. Мелочным, бездушным, лишенным фантазии выскочкой-карьеристом может быть и ученый, и писатель-фантаст, и обыватель.

Рассказы Варшавского и Штерна, при всем их своеобразии, обладают художественной близостью: разрабатывая традиционные для научной фантастики темы, авторы стремятся найти для них оригинальные и порой парадоксальные решения. Большинство рассказов имеют пародийную окраску и являются литературоцентричными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нудельман, Р.И. Фантастика / Р.И. Нудельман // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / под ред. А.А. Суркова – М.: Советская Энциклопедия, 1972. – Т. 7. – С. 887 – 895.
2. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: «Советская Энциклопедия», 1987. – 752 с.
3. Неелов, Е.М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики / Е.М. Неелов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
4. Гопман, В.Л. В жанре рассказа // В.Л. Гопман – Электр. данные. – Режим доступа: <http://oldsf.ru/ilya-varshavskii/o-varshavskom/v-l-gopman-v-zhanre-rasskaza.html>. – Дата доступа: 26.03.2010.
5. Варшавский, И.И. Человек, который видел антимир // И.И. Варшавский – М.: Знание, 1965. – 134 с.
6. Ляпунов, Б.В. В мире фантастики // Б.В. Ляпунов – М.: Книга, 1975. – 208 с.
7. Бритиков, А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман // А.Ф. Бритиков – Л.: «Наука», 1970. – 448 с.

³ Подобные настроения описывались уже у раннего Г.Дж. Уэллса в повести «Рассказ о грядущих днях» (1899).